

Андрей КОРОЛЕВ
НОЧНОЙ ФУТБОЛ

Р а с с к а з

Руслану Карманову

Телефон ожил прямо возле уха, завозился, зазудел с тупой услужливостью, и принципиальная тетка из него изрекла с деланным воодушевлением: «Время просыпаться: два — ноль». Она успела еще полтора раза повторить то же для особо бессознательных, пока Кулёмин непослушными пальцами не заткнул ей рот. Сев на диване, он с удовлетворением отметил, что сообщение противно-правильной тетки — хороший знак: будто мы еще до начала матча повели в счете в два мяча.

Ему нравилась в себе эта способность быстро, без нытья и уговоров подниматься в любое время и в любом состоянии — и спокойно делать то, что положено. А сейчас нужно было только потише собраться, выпить кофе да уже отправляться к Бирюлёву. И пускай это была по-ночному тревожная необходимость, но зато и приятная, предпразднично-волнительная, вызывающая гордость миссия — помочь своей команде.

Он давно обосновал для себя мысль, что самые верные футбольные болельщики, безусловно, живут в Сибири. Взять хотя бы Лигу чемпионов: когда в Европе начинаются матчи, у нас 2:45 — самое паршивое время, потому что в будний день вряд ли дотянешь до прямого эфира без сна, а после игры в пять утра потом еще хрен уснешь (да к тому же всего-то часа на два — на три). Вот где настоящая любовь, самая самоотверженная и искренняя.

Правда, тут важно кое-что уточнить. Однажды Кулёмин дисциплинированно, как Штирлиц, и без будильника проснулся аккуратно к свистку любопытного в общем-то матча «Динамо» (Киев) — «Манчестер Сити». Но телевизор так и не включил: смотреть футбол ночью — очень интимное занятие, этого достойны только самые близкие или самые великие (как за сутки до того — «Ливерпуль» с «Баварией»), а абы какая встреча абы каких команд — это совсем не то...

Сам Кулёмин играл еще в те времена, когда судьи заставляли футболистов заправлять майки в трусы, за победу начислялось не три, а два очка и действовало правило: в командах второй лиги в домашних матчах должен быть в составе хотя бы один игрок не старше восемнадцати. Из-за этого он, собственно, и попал в команду мастеров семнадцатилетним сыном полка. Выступал за нее два сезона — сначала во второй, а потом в первой лиге. Много это или мало — это как посмотреть. Но любовь к футболу в любом случае осталась — понятно, ревнивая, но нециничная, по-прежнему романтическая. Любовь к атакующему, бесшабашному стилю, к красоте и творчеству даже в ущерб результату.

В его окружении за ним, как за профи, до сих пор признавали право судить об игре — безапелляционно, или даже надменно, или великодушно, — поскольку с истинным, заслуженным знанием дела. И это грело.

Идея возникла спонтанно, варьировалась в деталях, обрастала приметами и наконец превратилась в ритуал. И вот уже два года на матчи Лиги чемпионов и чемпионата Испании они собирались у Бирюлёва дома — смотреть «Барселону». Не болеть за нее сообща, а именно наблюдать за матчем совместно, и это была тоже своего рода игра — странная, но захватывающая: ведь Бирюлёв «Барсу» терпеть не мог и по-детски буйно радовался ее неудачам.

Жил Кулёмин всего в четырех минутах ходьбы от Бирюлёва, но тот бы и сам приезжал за ним хоть на край города — настолько был упертым. Мол, традиция — это святое, отступать нельзя. Жена его, как сразу понял Кулёмин, эти пьяные бдения с внезапными вскриками не особо приветствовала, но поделать ничего не могла. И если игра была не слишком поздно, часов в десять вечера, Кулёмин еще заставлял ее, молча шуршащую у подвезенного к большой «плазме» столика с напитками и закусками. Но, если честно, и Кулёмину, и Бирюлёву больше нравились именно ночные матчи: тогда все воспринималось как-то ярче, восторженнее или трагичнее — в общем, острее.

В этот раз игра была как раз с половины третьего, но, когда Кулёмин тихо постучал в дверь и та быстро открылась, гостя ждал не слишком приятный сюрприз. Бирюлёв был уже заметно поддавшимся (а значит, будет говорливей и громче привычного), а главное — не спала и его жена.

— Вот, — объяснил Бирюлёв, сгребая ее в охапку и целуя в макушку, — Анжела Геннадьевна со своих дамских посиделок пришла — у них тоже традиция — вся такая довольная, столько сплетен наслушалась. Хочет теперь увидеть, как настоящие мужики оттягиваются. Пусть посмотрит с нами хоть один тайм? Больше-то она точно не выдержит.

Анжела была еще в вечернем платье и тоже слегка нетрезвая — и Кулёмин впервые увидел ее улыбку. Красивую, но, на его вкус, слишком хищную. А глаза блестели хоть и весельем, но каким-то мрачноватым — с жаждой не то продолжения банкета, не то обязательного реванша.

«Ох, зря все это», — подумал он и даже начал мямлить что-то насчет «неудобно», но Бирюлёв сразу пресек все возражения:

— Да хорош уже ломаться, Григорич. Без твоей-то поддержки «Барса» сегодня точно сольет. И ты Анжелке лучше сможешь все разъяснить — у меня терпения не хватит.

— Ну, если все аспекты превосходства «Барсы» разъяснить... — начал он остроту, но та уже не понадобилась: хозяйева, не дожидаясь его, прошли в комнату, где был телевизор. Он аккуратно разулся, повесил куртку и последовал по коридору за ними — по привычке зачем-то на цыпочках.

Странно, что они настолько сблизились: раньше мужиков такой породы Кулёмин старался избегать. Во-первых, Бирюлёв был много моложе. Во-вторых — успешный предприниматель. Причем успех его был уже не «новорусским» бандюганским (то есть рэкет либо кидалово), а результатом вполне солидно поставленного дела (что-то связанное с автосервисом). Даже чисто внешне Бирюлёв не мог ему нравиться: рыжеватый, лысоватый, с брюшком, тонкими ножками, а главное — с маленькой стопой и высоким дребезжащим голосом. Разве можно иметь дело с такими типами? В детстве во дворе именно такие больше всех драли глотку, отстаивая свои якобы попранные права.

А тут они как-то пересеклись в спортбаре, нашли общих знакомых, а потом и общие интересы. Нет, главный интерес — футбол, который для Бирюлёва, похоже, был подлинной страстью. Поиграть на серьезном уровне ему не довелось, зато сейчас он не только смотрел кучу матчей, но и разбирался в тактических схемах, помнил историю команд и турниров и — вот уж чего Кулёмин никак не мог понять (что за удовольствие купаться в одном бассейне дерьма с полуграмотной шпаной?) — вел безумно активную жизнь на фанатских ветках соцсетей под ником Карабас-Бумбараш.

Да, у него было чувство юмора — пусть не всегда резонирующее с кулёминским — и знания не только деловые-бытовые. Если не трогать такого конька Бирюлёва, как машины, в которых Кулёмин мало смыслил, то поговорить с ним можно было, например, о кино, особенно голливудском.

Но главной чертой Бирюлёва была необычайная спортивность. Не в смысле качаться на тренажерах или кататься по склонам без трасс (тем более с его склонностью к нарушениям режима). Так что скорее — соревновательность. Он вмиг заводился от любого противостояния, поединка, от одной возможности превзойти соперника. Пускай даже в непринципиальном споре или в затеянной на ходу партии в нарды. В общем, он обожал побеждать и упивался самым этим драйвом — добиваться победы.

— Удивительно: с твоим-то азартом, любовью к риску — как ты до сих пор не разорился? — лстыиво спросил как-то Кулёмин.

— Э-э, нет, не путай, — осклабился Бирюлёв. — Я вообще никогда не рискую. Блефануть — да, взять на понт — да, риск — нет. То, что ты называешь риском, — на самом деле решительность. Или решимость. Идти до конца — причем просчитанного. Ну а если я неправильно что-то просчитал — то сам и виноват. Сам дурак. Но это не риск. Чуешь разницу?

— Слушай, а в карты ты никогда не думал играть профессионально? Ездил бы в поездах, доил лохов, жил бы в Сочи...

— Ну, Григорич, разве ж это игра? Игра — это праздник, а здесь — тяжелый физический труд, ненормированный да еще и опасный. Да и скучно это.

И Кулёмин, конечно, с ним соглашался.

— Понимаешь, есть игроки — выигроки, а есть — проигроки, — растолковывал Бирюлёв в другой раз. — Вот я — выигрок, потому что во что бы то ни стало хочу выиграть и все сделаю ради этого.

— А проиграть, значит, никак не можешь. Прямо как Эраст Фандорин.

— Ну почему, могу, но для меня все равно хоть в чем-то да будет победа.

— А я, надо полагать, проигрок? — приготовился обидеться Кулёмин.

— Да нет, ты вообще не из таких, не из наших. Ты хоть и сам играл, но вот этого — во-что-бы-то-ни-стальности — не очень любишь. Ты больше по высокому и недостижимому прикалываешься. Лучше журавль в небе, чем синица в руке. Юношеский максимализм: «Мы забьем, сколько захотим», а помирать, так с музыкой. Для тебя это главное — не игра, не победа, а музыка. Скажешь, не так?

— Может, и так. Но не только. Для меня игра — это модель жизни, только более правильная, чем жизнь, более справедливая. Здесь бездарностям и лизоблюдам ни за что не пробиться наверх. Хоть какой-то талант да нужен. Ну и сила воли, понятно, и физика. Но и лирика тоже, тут ты прав.

— Вот я и говорю.

Вот такие у них бывали разговоры. Но бывали и попроще, и подушевней. Бирюлёв, к примеру, и это Кулёмину в нем особенно импонировало (раньше он был уверен, что все нынешние скоробогатеи — жлобы и зациклены только на себе), мог быть поразительно щедрым. Бог с ними — с мотивами, себя ли он таким образом приподнимал, или еще что-то, главное, что он реально любил делать подарки, причем ценные. Как-то Кулёмин рассказал ему, в каких бутсах он играл в первой лиге — в очень редких тогда и дорогих немецких «адидасах». Югославские им выдавали бесплатно, но те были тяжелыми и сильно растягивались, а такие — World Cup 1978 — можно было только у барыг из столичных команд купить. И Кулёмин купил — в «Локомотиве». Один ботинок (если без шипов) — всего 150 граммов! Ну рассказал и рассказал об этом, то есть похвастался слегка, вспомнил славную молодость. Прошло немало времени, и вот накануне его дня рождения Бирюлёв торжественно вручил ему именно такую модель! Оказалось, ее и спустя четверть века продолжали выпускать. И это было потрясающе!

Конечно, эти бутсы пригодились ему потом не чаще раза в год (обычно перед выборами, когда сборную ветеранов вывозили в какой-нибудь райцентр — сыграть с местными, накормить электорат если не хлебом, то хотя бы таким вот зрелищем), но для Кулёмина этот подарок был очень дорог, и широкий жест Бирюлёва он оценил высоко.

Оценил и задумался: а что он может предложить взамен? Смешно было даже пытаться удивить Бирюлёва чем-то подобным — хотя бы даже фирменной, выписанной по интернету атрибутикой какого-нибудь клуба или сборной. Тот наверняка отчитал бы его за такое пускание пыли в глаза: «У тебя что — деньги лишние завелись?» К тому же Кулёмин не мог назвать Бирюлёва таким уж близким другом, ради которого стоило бы так расшаркиваться... И тогда он вспомнил об одном раритете, который прежде хранил особенно бережно, а потом просто как забавную диковинку — билет «Аэрофлота» с автографами игроков сборной СССР. Это его двоюродной сестре в 1982-м фантастически повезло попасть в загранпоездку в Испанию, в самолете разговорились, и несколько наших футболистов расписались прямо на ее билете,

причем Тенго Сулаквелидзе — так и вовсе петлистой грузинской вязью. Бирюлёв, принимая эту реликвию, пришел в полный восторг!

Трансляция еще не началась, на экране была только заставка Ла Лиги. Анжела устроилась на коленях у Бирюлёва, и Кулёмин еще раз — уже всерьез — пожалел, что ввязался во все это.

— Так. Садись сюда, — показал Бирюлёв на его обычное место, но Кулёмину это представилось именно как «указал на место». Почему-то унизительно.

— Может, правда... — начал он.

Но Бирюлёв и слушать не пожелал:

— Всё, стоп. Пятница-вечер. Расслабься. И получай удовольствие.

Анжела прыснула.

— Наливай, — продолжал командовать хозяин. — Сейчас начнется.

И Кулёмин сдался: ну что, в самом деле, капризничать? Он взял бутылку и внимательно глянул на столик: третьего бокала для Анжелы не было. Он вопросительно качнул горлышком в ее сторону. «Нет», — помотал головой Бирюлёв.

Они чокнулись и глотнули по разу хорошего коньяка, а тут и матч начался. Сейчас вся скованность исчезнет.

— Вот смотри, — инструктировал Бирюлёв жену. — Видишь — смугленький дрищ под одиннадцатым номером? Это и есть Неймар, от которого Михал Григорич тащится.

— Он правда лучше всех играет? — поинтересовалась Анжела напрямую у Кулёмина.

— Да, — ответил он просто. Хотел пояснить более развернуто, приготовился разложить по пунктам: и как неожиданно Ней выбирает вариант для атаки, и как легко обрабатывает мяч даже в борьбе, и как обостряет игру нестандартным дриблингом или пасом; и как в каждом — буквально в каждом! — эпизоде стремится сыграть изящно.

Но Бирюлёв сразу подрезал ему крылья, начав комментировать с издевкой:

— Во-во-во — смотри: сейчас завозится и мяч потеряет. Правильно! Никому не давай! Сам тащи! Видишь, какой хороший игрок, какой благородный — взял и отдал чужому!

«А может, оно и к лучшему, не надо метать бисер», — подумал Кулёмин. Он знал за собой этот недостаток — быть чересчур простодушным и откровенным. В итоге получалось как-то слишком многословно и слишком возвышенно, во многих ситуациях вычурно, неестественно. И что выслушавшим его излияния потом с ними делать?

А Неймар сегодня и вправду сам не свой. Не идет игра — хоть ты тресни. Медлит с передачами, тянет, тянет — выбирает лучшее продолжение, но в итоге запарывает моменты. И с соперниками уже принялся собачиться. Те, понятно, сразу обстучали ему все ноги (с этими басками у него особые счета), а он начал закипать. У Кулёмина появилось нехорошее предчувствие.

Как и предполагал Бирюлёв, Анжела сломалась уже через полчаса — даже всхрипнула, испуганно подняла голову, вытерла рот.

— Я пойду? — спросила она у мужа. — Что-то ваш футбол как-то не очень искрометный...

Это Кулёмин обещал ей такое шоу. Еще специально слово подбирал поинтересней.

Бирюлёв расхохотался торжествующе:

— Ну, в исполнении Неймара — это точно. Что, совсем-совсем он тебе не понравился? Даже на мордашку?

— Ну почему, — сказала Анжела, вставая и зевая. — Ничего. Только дерганый какой-то. И хлипковатый. Хоккеисты как-то повнушительней смотрятся.

— Вот! — повернулся Бирюлёв к Кулёмину. — Вот объективность! Независимый наблюдатель!

«Скорее сердитый покупатель», — подумал Кулёмин, но вслух спорить не стал. Все-таки игра проходила на чужом поле.

Беда в том, что счет оставался 0 : 0, то есть и выпить было не за что, Бирюлёв тоже начал посапывать еще до перерыва. Но делал вид, что не спит, иногда даже отпускал замечания — правда, с запозданием на несколько секунд.

Покурить после первого тайма Кулёмин по обыкновению сходил на лоджию. Бирюлёв за это время очнулся, умылся и опять стал бодрячком. До возобновления матча еще успели обсудить последние новости. Ну как обсудить? Сразу сошлись на том, что эти козлы уже задолбали. И почему нам так не везет? Вроде такая богатая страна...

Начался второй тайм — хуже не придумаешь. Уже на сорок седьмой минуте «Атлетик» забил, причем по делу, а вскоре Ней получил предупреждение. Как же легко его спровоцировать! Он укрывал мяч корпусом, а защитник пару раз помассировал ему ахиллы. А этот гордый бразильский парень — нет чтобы избавиться от мяча! — продолжал пытаться обыграть. А потом все-таки не выдержал, развернулся и вставил чуваку по голени. Хорошо, что судья пожалел — не показал сразу красную карточку. Но обе команды, конечно, сбежались, устроили бучу.

— Как бы махач не начался, — озабоченно сказал Бирюлёв, хотя чувствовалось, что он-то совсем не против. Там, глядишь, и дисквалифицируют из «Барсы» человечка-другого на несколько игр — всё его «Реалу» жить попроще.

Слава богу, как-то успокоилось, минут через пять Суарес с подачи Месси даже сравнял счет. Но Ней закусился, матч для него был уже побоку, а тренер Энрике этого будто не видел — не стал заменять. И напрасно.

Оставалось девять минут, с добавленным временем — двенадцать-тринадцать. Тут-то и разразилась катастрофа. «Барса» атаковала левым флангом, мяч попал к Неймару, точнее, он пропустил его мимо себя, обманув правого защитника, и оказался на корпус впереди. А тот прихватил его рукой за майку. Не слишком нагло, не слишком заметно, но все же. А Ней не просто остановился, но еще и отмахнулся от него, и попал куда-то по горлу. Защитник, понятно, схватился за лицо и рухнул на газон, как смертельно раненный. А Ней еще склонился над ним и стал что-то орать, казалось, вот-вот начнет добивать ногами.

«Это конец, — понял Кулёмин. — Сейчас удалят».

Судья подскочил прямо даже с удовольствием. Еще бы! Этого латиноса зазвездившегося прищучить — да еще в таком бесспорном моменте! Ни один сумасшедший фанат не придерется! Достал красную карточку и вскинул ее победно. И произнес что-то с красивой неотвратимостью. Знал, что миллионов сто зрителей на него сейчас смотрят.

Ней криво ухмыльнулся и вразвалочку побрел с поля. Шел, наверное, секунд тридцать. А когда судья свистнул нетерпеливо, его поторапливая, обернулся и саркастически поаплодировал. Это значит, добавят еще пару игр к дисквалу. Итого три-четыре.

— Нет, ну как ты можешь его любить?! — взорвался Бирюлёв, и видно было, что искренне переживая. — Команда в жопе, ничего не получается, а он так себя ведет! Он же всех, по сути, подставил!

— Ну, молодой еще, что поделаешь... — безнадежно признал Кулёмин.

«Барса» умудрилась пропустить еще раз, и все стало совсем плохо. Так и закончили — 1 : 2.

Бирюлёв налил почти по полной, и оба выпили залпом. Просто чтобы закруглиться, поставить точку. Не восклицательный знак.

Потом Кулёмин тихо пошел одеваться, а Бирюлёв — в туалет. Вышел он мрачный, виновато улыбнулся Кулёмину:

— Это Анжелка, наверное, фарт тебе сбила. Зря мы разрешили ей смотреть с нами, традицию нарушили. Все равно ничего не понимает.

— Да «Барса» сама виновата! — честно сказал Кулёмин. — Играли ведь отвратительно, вполноги. Такая недооценка! И Ней тоже хорош: пока не научится справляться с нервами — так и будет вестись на это дерьмо. Но вообще-то вся команда виновата, и тренер, конечно.

— Да не говори: козлы! — горестно констатировал Бирюлёв. — А я еще на них поставил!

Кулёмин сперва опешил, а потом усмехнулся:

— Ну ты и жук! И много проиграл, выигрок?

— Да неважно. Пять косарей. Главное — в душу плюнули...

Кулёмин вышел из подъезда и сразу закурил. Проверено: у магазина возле дома как раз и выбросит фильтр.

Хорошо, что на улице было так темно и промозгло. Это не то чтобы успокаивало, но переключало чувства, возвращало к реальности.

«Ну и что, в самом деле, стряслось такого страшного? — говорил себе Кулёмин. — Да ничего такого, это спорт. Суровый и даже беспощадный. А иногда коварный. А иногда просто дуболомный. И сильнейший побеждает далеко не всегда».

Но не только в этом дело. Вообще все вокруг как-то неправильно.

Кулёмин шел по пустому городу и думал, каково сейчас Неймару там, в Бильбао. Изгнанному с его же собственного праздника и растоптанного несправедливостью мира.

Вот он идет один по коридору внутри трибуны, вот заходит в пустую раздевалку. Нет, возможно, вокруг суетится какой-то народ — администратор, телохранитель, массажист, даже какой-нибудь личный психолог (вот кого бы надо гнать в шею!). Но все равно сейчас он один — злой и опустошенный. Он в полном одиночестве, и не в гордом, а в униженном. Господь вдохнул в него волшебный дар, чтобы он украшал этот мир, творил красоту и историю, и он с юных лет это делает — а миру, похоже, ничего такого не надо. Ему нужны не творцы, а солдафоны-дуболомы.

Ну, такие, которых хвалят прежде всего за самоотдачу. Молодцы, что отдали все силы. И еще, конечно, боевитость — вот что особо ценится. Прыгнуть в ноги, упасть, умереть, но перед этим успеть укунить за лодыжку. «Не щадит ни себя, ни соперника!» — вот что почему-то считается героизмом.

А Ней, если хотите знать, в тысячу раз смелей. Каждый раз выходить на поле, зная, что сейчас тебя будут убивать, но все равно продолжать гнуть свое, дразнить убийцев своими трюками, причем самых угрюмых — даже с большей охотой: разве это не мужество?

Правда, он при этом не излучает испепеляющей ненависти, решимости уничтожить, он озорничает, прикалывается, карнавалит, и разве его вина в том, что противник, оставленный в дураках, переживает все с такой тяжелой обидой? Хотя и противника тоже можно понять: его, такого боевитого и brutального, выставил клоуном щуплый мальчишка с пижонской прической!

Brutальность сейчас — даже не мода, а идеал. Только чтоб без чрезмерного хамства и запаха пота. Такая, знаете, притягательная гламурная brutальность. Как у хоккейных звезд-миллионеров с выбитыми и не вставленными зубами. Которые «повнушительней смотрятся». Ну да, трус ведь не играет в хоккей. Иногда только, на закрытых придворных игрищах, позволяют себе слегка расслабиться — никак не могут управиться с одним начинающим, но перспективным форвардом. Казалось бы, только-только на коньки встал, а прославленные олимпийники с лицами в шрамах расступаются, пораженные его прогрессом. Чтобы он смог забить как можно больше голов. А сами при этом не забивают себе голов всякой чепухой вроде спортивной чести. Ведь все это, ясно, исключительно в интересах хоккея. Чтобы продвигать его в массы личным примером.

Вот такие современные пиры Валтасара, как раз в духе времени, потому что не опасные и не вредные, а даже наоборот — с уклоном в здоровый образ жизни.

Мир помешался на стремлении к успеху и подражании избранным. А хуже всего то, что эти счастливчики очень редко по-настоящему могут служить образцом. Крайне редко. Только единицы, да и те с оговорками.

И Ней тоже не ангел. Может, например, не пожать кому-то руку после матча, даже оттолкнуть протянутую ладонь. Совершенно дурацкая выходка! Его и так болельщики слабых команд не любят: дескать, слишком много о себе понимает. Ну да, есть у него такая заносчивость. Но это же не отменяет самого важного — того, как он играет и ради чего. Ради того, чтобы происходило чудо.

Чудо — вот для чего мы живем, вот чего больше всего желаем в жизни. Абсолютно все. О верующих и говорить не стоит — здесь всё на поверхности. И у спортивных болельщиков, конечно, тоже. Но и у всех остальных. Карьерист мечтает о совпадении шанса и удачи,

трудоголик — что результат окажется достоин потраченных сил, лентяй — что все как-то само собой сложится. Даже последний алкаш и тот алкает чуда: вот он сделает один глоток — и мир мгновенно преобразится, станет прекрасным и примет его в свои объятия...

И тут Кулёмину внезапно стало смешно: он так горячо защищает молодого здорового парня, у которого есть всё — редкостный талант и возможность его реализовать, огромное количество денег и поклонников. И который никогда даже не узнает о его существовании.

Ну и ладно, не в этом ведь дело: узнает — не узнает. Главное — перед собой быть честным, свою правду отстаивать, себе соответствовать.

То есть надеяться на чудо.

Он подошел к двери своей квартиры, достал ключ. А сейчас главное — не шуметь, не разбудить жену раньше времени. У нее и сегодня тяжелый день, уроки даже в субботу с самого первого и до вечера.

Кстати, как-то она с ним тоже один раз смотрела футбол ночью. Кто тогда играл — убей бог, но наверняка важный был матч, интересный. А Неймар тогда еще и не родился. Значит, он болел за какого-то другого гениального бразильца. И ей, кажется, игра понравилась. Он уже не помнил точно, но вроде бы понравилась.